

РУССКИЙ НИНДЗЯ

МИХАИЛ СЕРЕГИН

ПО ПРОЗВИЩУ КИТАЕЦ

Китаец

Михаил Серегин

По прозвищу Китаец

«Научная книга»

2004

Серегин М. Г.

По прозвищу Китаец / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2004 — (Китаец)

Частный детектив Владимир Танин не зря получил прозвище Китаец – он владеет всеми приемами ближнего боя и способен противостоять целому десятку подготовленных бойцов. Шикарный отель «Виктория» – лакомый кусок, откусить от которого не прочь как бандиты, так и городские власти. И в городе разгорелась настоящая война. Чтобы устранить руководство отеля, братва собрала на него сильнейший компромат. Вот только все документы бесследно исчезли. Знал бы Китаец, что все эти дела коснутся лично его, уехал бы из города. Ведь бандиты похитили его секретаршу Лизу и требуют взамен разыскать ценные бумаги. Ладно, документы он нашел, покалечив при этом десяток охранников и бандитов. Но ведь теперь на него хотят повесить убийство, которого он не совершал...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Михаил Серегин

По прозвищу Китаец

Глава 1

Звонок телефона, ворвавшийся в сон Китайца острой нетерпеливой нотой, заставил его открыть глаза. Он зевнул, протянул руку к стоящему на полу телефону и снял трубку. Снежный пейзаж берегов Юцзяна, приснившийся ему сразу, как только он опустил голову на подушку, клоками разорванного белого полотна все еще висел в его мозгу.

– Танин, – глухо произнес он в трубку, подавив очередной зевок. – Кто это?

– Неважно, – грубо одернули его на том конце провода. – Вот что, детектив, слушай меня внимательно, – хрипло прорычал прокуренный мужской голос, – у нас тут твоя секретутка...

– Лиза? – Она самая, – плотоядно и вызывающе рассмеялся абонент, – если она тебе дорога, тебе придется приподнять свою задницу и прогуляться с нами за город.

– Кто вы и что вам надо? – спокойно спросил Танин.

– Ты повторяешься, – усмехнулся прокуренный голос, – или ты не такой крутой и сообразительный, каким тебя тут нам расписала твоя девочка? Значит, так, через полчаса жду тебя на углу Московской и Рахова. Подходи туда, значит, и жди. Я сам к тебе подъеду. Только без дураков, предупреждаю. Приведешь ментов – твоей девке капут. Ты меня понял?

– Понял. – Танин достал из пачки сигарету и вставил ее в угол рта. – Только через полчаса навряд ли получится. Мне нужно сорок пять минут.

– А-а, ты, наверное, душ хочешь принять и выпить чашечку кофе, – съязвил абонент.

– Ты попал в самую точку. Не люблю выходить из дома неумытым и голодным. – Танин усмехнулся и закурил.

«Клиент-то с чувством юмора», – холодно отметил он про себя.

– Ладно, через сорок пять минут жду тебя в условленном месте, – услышал он в трубке. – Еще раз предупреждаю: дурканешь – в башке твоей телки появится маленькая аккуратная дырочка.

Танин повесил трубку и прошел в ванную. Встал под холодный душ, чтобы окончательно смыть с себя тягучую поволоку сна. Растеревшись полотенцем, мокрой рукой пригладил свои густые жесткие волосы и пошел на кухню. Поставил чайник и принялся одеваться. Джинсы, джемпер, наплечную кобуру. Вообще-то пистолетом он пользовался довольно редко, предпочитая работать без шума, тем более что был способен изувечить или даже убить человека голыми руками. Но все-таки, передернув затвор, сунул «ПМ» под мышку. Мало ли что.

На кухне он достал с полки пачку зеленого чая, сыпанул горсточку в чашку, залил кипятком.

Китаец не любил суетиться. Народ, к которому он принадлежал, был заряжен спокойной динамикой жизни и овеван тихим пламенем вдумчивого созерцания. Не любил он также, чтобы ему приказывали или помыкали им. Гордая смелость и невозмутимость вошли в его кровь подобно пейзажам родного Няньнина. Он был неприхотлив и вынослив, как люди, живущие в краю, где он родился. Хотя его родной город Няньнин лежал на берегах Юцзянь – одной из небольших рек юго-запада Китая, – в зоне субтропиков, природа не баловала обитателей этой местности нежным теплом и особо ярким цветением окрестных лесов. Леса были живописные – дуб, падуб, камфарное дерево, сосна, но краски – приглушены. Точно так же, как приглушены были чувства жителей этой страны. Суровые зимние муссоны и сезон дождей не настраивали на беззаботный или ярко эмоциональный лад.

С детских лет Китаец понял, насколько шатко и непрочно человеческое бытие. Особенно это остро чувствовалось, когда ледяной западный ветер, дующий с Тибета, с детской жестокостью рушил аккуратные домики жителей деревень, расположенных неподалеку от Няньнина.

Несмотря на скепсис по отношению к европейской культуре, доставшийся Танину в наследство от загадочных и мудрых китайцев, он не гнушался плодами европейской цивилизации. Таким образом, запас его восточных знаний счастливо пополнился западными, а к молчаливой скептической улыбке, часто игравшей на его хорошо очерченных губах, добавился иронично-лукавый прищур, берущий свое начало в таинственном сиянии глаз Моны Лизы.

Допив чай, Китаец посмотрел на часы. До оговоренного места встречи было не больше двадцати минут умеренно быстрой ходьбы. Он выкурил еще одну сигарету и, надев удобное короткое пальто из английского драпа, покинул свою трехкомнатную, толком не обставленную квартиру. Она досталась ему от покойной тетки, сестры его отца – знатока и исследователя китайской истории и культуры.

Сбежав с четвертого этажа, он распахнул дверь подъезда и вышел во двор. Его джип темной громадой стоял недалеко от детской площадки. Китайцу показалось, что переднее стекло при его появлении тускло сверкнуло, точно железный конь почуял хозяина и с укоризненным призывом взглянул на него. Потому что хозяин решил обойтись без него.

Мороз спал. Дул юго-западный, несущий влажное атлантическое тепло ветер. Снег под ногами был мокрым, он сбивался в сочащиеся влагой хлопья, затрудняя подъем в гору. Танин жил на Провиантской, как раз в том месте, где она вливалась в оживленную магистраль, проходившую по Чернышевской. Огни в домах были потушены. Город спал. Пустынные улицы, по которым ветер носился, как потерявший управление корабль по волнам, точно вымерли.

Строчки его любимого поэта Цюй Юаня пришли сами собой:

...Гонит странника ветер
За бегущей волною...

Китаец ощущал себя единственной разумной силой в океане ночного ноябрьского беспредела. Эта мысль приободрила его. Ведь, часто выходя из дома и держа путь в офис, он особенно остро чувствовал, как плотно пригнана кожа к его мускулам, как счастливо, но бесцельно напрягается его тренированное тело, не зная, куда применить свою упругую мощь и скользящую гибкость.

Он шутя преодолел довольно крутой подъем и пересек Советскую. Пронеслась грохочущая попсовым шлягером «Муси-Пуси» «девятка», и опять все стихло. Китаец закурил.

Каков он? Женщины – каждая на свой вкус и характер – пытались определить это. Одни упрекали его за резкость, другие – за холодность, третьи – за строптивость или невнимательность. Но все хотели сохранить, привязать, оставить подле себя. Станный народ эти женщины, с тонкой снисходительной улыбкой подумал Китаец, кичатся своей чувствительностью и интуицией, а не могут понять, что то холодное равнодушие, в котором они усматривают его основной недостаток, – не что иное, как попытка скрыть горячность, страстное неистовство или надрывающую душу нежность. Ибо ему не хотелось привязываться и привязывать. Почему?

Опасная работа детектива, конечно. Но самым главным мотивом было другое – желание сохранить и, если потребуется, отстоять свою внутреннюю свободу, которую он понимал как независимость от определяющего влияния обстоятельств. Стечение же последних он склонен был рассматривать для себя не как непреодолимую совокупность трусливых демаршей или откровенное приспособленчество, а как решаемую в принципе ситуацию, как вызов своим духовным и физическим способностям. Именно поэтому он и не знал, каков он.

Единственное, что он понимал, это то, что от юной поры, когда ты весь – то мягкое пламя, готовое объять целый мир, то гордое противодействие и бунт, то зовущая к самопожертвова-

ниям пылкая серьезность, осталось только смутное чувство неприкаянности и недовольства, которое порой копошится и ерепенится в душе. В нем народилось новое «я». Это «я» уже не могло ничего принять без оговорок, оно подсматривало за ним, когда он, например, лежал на диване, читал, думал, строил планы на будущее или когда занимался любовью. Это маленькое хладнокровное «я» даже каким-то диковинным образом подружилось с до сих пор не изжитой в нем юной самонадеянностью и мальчишеской уверенностью в шаткости мира и в возможности его изменить.

Как-то, уже закончив МГИМО и ударившись в журналистику, он поймал себя на мысли, что жизнь поступила с ним, как клейкая бумага – с мухой. Он почувствовал себя пойманным общими понятиями о социальном престиже, карьере, удачной личной жизни. И тогда это самое мальчишество взбунтовалось в нем. То, к чему он пришел сейчас, Китаец не мог бы назвать счастьем или несчастьем. Скорее это было подвижным равновесием, компромиссом с собой и миром, который он тем не менее каждый раз должен был заново отвоевывать у людей и обстоятельств.

И донжуанство Танина было лишь логическим следствием его неверия в совершенство, в общую идею совершенства, если выражаться точнее. Мир для него в хорошую погоду или в начале многообещающего любовного романа представлял безостановочное кружение маленьких совершенств, одно из которых он как раз и намеревался поймать за радужные стрекозы крылышки.

Китаец уже был на подходе к Большой Казачьей. Сегодняшний ночной звонок не вызвал у него недоумения. Практика частного детектива не бывает спокойной, особенно если этот детектив, как Танин, прямо-таки обладает даром ввязываться в разного рода рискованные предприятия. Танин ни разу еще не подвел своего клиента, не говоря уже о том, что спас не одну жизнь и не одну репутацию. В кругу тех, кто искал его защиты или просил об услуге, а также среди местной газетной братии, с которой Танина связывало его журналистское прошлое, принимая в расчет его происхождение и внешность, его называли Китайцем.

* * *

Улица Московская, где Китайцу забили «стрелку», была одной из центральных улиц Тарасова. Она соединяла два вокзала – речной и железнодорожный, и даже в этот поздний час по ней двигались автомобили.

Китаец догадывался, что убивать его не собираются, во всяком случае, сейчас, но все же отошел к дому, подальше от проезжей части. Он взглянул на часы, хотя и без того знал, что время, отпущенное ему, уже истекло.

Те, кто назначил ему встречу, довольно удачно выбрали место для нее. Если бы он привел за собой ментов, то последним было бы сложно спрятаться где-то поблизости. Сам же Китаец вообще стоял на пяточке, продуваемый всеми ветрами и открытый всем пулям. Но данное обстоятельство его сейчас волновало меньше всего, если вообще можно было употребить слово «волновало» по отношению к Китайцу. Зачем им понадобилась Бедная Лиза? Это более-менее было ясно – чтобы надавить на него. Но, видно, ребята не в курсе, что давить на Китайца – себе же дороже выйдет.

Он услышал приближающийся шум мощного мотора. Но машина ехала не по Московской, а по Рахова, со стороны аэропорта. Это был большой темно-серый джип «Тойота Ленд-крузер» с лебедкой на переднем бампере. Джип медленно проехал мимо угла, где стоял Китаец, пересек Московскую, замерев на несколько секунд на светофоре, и остановился у аптеки на другой стороне улицы.

«Проверяют, – усмехнулся Китаец. – Ну-ну, проверяйте».

Джип, постояв с минуту, тронулся с места, развернувшись на следующем перекрестке, проехал по другой стороне улицы и затормозил перед ярко освещенной витриной супермаркета. Китаец услышал два коротких гудка клаксона и, оглядевшись по сторонам, неторопливо двинулся в сторону джипа, сквозь тонированные стекла которого ничего не было видно.

Он подошел к «Тойоте» почти вплотную, и тогда в машине, плавнодвигаемое электромотором, немного опустилось стекло на месте водителя.

– Обойди тачку спереди, – приказали ему.

Он повиновался. Открылась задняя дверца со стороны тротуара, и на освещенный ярким светом витрины асфальт вышел толстяк под два метра ростом.

– Лицом к машине, – скомандовал он высоким, как у кастрата, голосом. – Оружие есть?

Китаец молча хлопнул себя по боку, где лежал пистолет. «Кастрат» бесцеремонно залез ему под куртку, достал «ПМ» и сунул себе в карман. Потом, простуженно сопя, похлопал Китайца по бокам, проверил брюки до колен – дальше наклониться, видимо, просто не смог.

– Садись, – «кастрат» открыл перед Китайцем заднюю дверцу.

– К сожалению, у меня нет мелочи, – сказал Китаец, сядя рядом со жлобом помельче «кастрата», но, видимо, не уступавшим тому в росте, – а то бы я дал тебе на чай. Может, в другой раз?

«Кастрат» ничего не ответил, только слегка придавил его массой.

– Не умничай, сыщик, – раздался голос с переднего сиденья, – лучше подумай о своей телке. Трогай, Джамбул, – приказал он водителю.

Судя по голосу – сиплому и прокуренному, – это был тот, с кем Китаец говорил по телефону. Он немного повернулся, так что Китаец увидел его хищный профиль с тяжелым подбородком, и сказал, обращаясь к жлобу, сидевшему слева от Китайца:

– Завяжи ему глаза, Малыш.

Малыш полез в карман широченной куртки, достал оттуда какую-то черную тряпку и обмотал Китайцу верхнюю часть головы.

«Если этого кличут Малышом, – пронеслось в голове у Китайца, – то „кастрата“ наверняка должны звать Грудничком».

* * *

До места ехали молча. Танин по поворотам джипа определил, что едут в направлении Ленинского района – довольно глухой территории, если не считать проспекта Инженеров, на который, как мясо – на шампур, были нанизаны магазины и другие заведения быта и культуры района. «Тойота» шла мощно и плавно, как линкор, и минут через двадцать, остановившись, просигналила два раза. Танин услышал звук электродвигателя, металлический скрип отъезжавших ворот и понял, что они стоят у какого-то склада или ангара. Изменившийся звук двигателя, отраженный близкими стенами, подтвердил это.

Ворота за ними закрылись, и двигатель «Тойоты» замолчал. Хлопнули две передние двери, потом задняя со стороны толстяка открылась, и тот начал выбираться наружу.

– Вылазь, – Китаец почувствовал тычок в бок, и Малыш сорвал с него повязку.

Спрыгнув на бетонный пол, Танин беглым взглядом окинул помещение. Этого оказалось достаточно, чтобы заметить пару дверей в конце ангара, несколько окон на уровне второго этажа, крюк тельфера, свисавший на тросе почти до земли, большие картонные коробки, в несколько рядов стоявшие у левой стены, и дальше – двухсотлитровые металлические бочки, в которых обычно хранят горюче-смазочные материалы.

– Сюда давай, – толстяк, выбравшийся первым, показал направо, в сторону конторки, приютившейся в углу склада.

Танин прошел следом за ним и оказался в помещении, обогреваемом при помощи «козла» – спирали, намотанной на кусок асбоцементной трубы. Толстяк встал сбоку у входа и выудил откуда-то из-под одежды автомат Калашникова с откидывающимся прикладом. Главарь в расстегнутой короткой темно-коричневой дубленке сидел за ободраным полированным столом.

– Что-то ты не очень похож на крутого сыщика, – он хищно облизнул тонкие губы и вперил в Китайца долгий пронзительный взгляд.

Китаец и правда не был похож на супермена со своими ста семьюдесятью семью сантиметрами и семьюдесятью килограммами, но те, кому приходилось иметь с ним дело накоротке, могли убедиться, что голыми руками его не возьмешь, да и вооруженным людям до сих пор не удавалось с ним справиться.

– Где моя секретарша? – не отводя глаз, спросил Китаец.

– С ней будет все в порядке, – ухмыльнулся сидящий за столом человек. – Пока... Пока ты, – добавил он и вытянул в сторону Китайца узловатый палец, – будешь правильно себя вести. Понятно?

– Я должен ее увидеть.

– Ты что, мне не веришь? – угрожающе спросил главарь.

– Это не имеет никакого значения, верю я тебе или нет, – упрямо произнес Танин, – только, пока я не увижу Лизу, никакого разговора не получится.

– Шеф, – толстяк качнулся, делая шаг в сторону Танина, – может, ежнуть его по кумполу?

– Успеешь еще, – шеф взглядом остановил его. – Позови Малыша.

– Малыш, мать твою, – проверещал толстяк, приоткрыв дверь, из-за которой тут же появился парень, сидевший в «Тойоте» слева от Китайца.

На плече у него болтался такой же автомат, как у толстяка, который он придерживал рукой у бедра.

– Пойдешь с Бубльгумом, – сказал ему шеф, доставая из пачки сигарету и прикуривая, – покажете мистеру Крутому его красотку. Бубльгум, – посмотрел он на толстяка, – скажешь Сяве, чтобы кончил ее, если услышит здесь подозрительный шум, понял?

«Ну и клички», – усмехнулся про себя Китаец.

– Понятно, – Бубльгум осклабился, предвкушая развлечение. – Двигай, – кивнул он Китайцу.

Малыш шел впереди, перешагивая через куски металлолома, разбросанного по всему складу. За ним, мягко ступая, двигался Китаец. Он прикидывал, когда лучше вступить в схватку, и решил, что все-таки не мешает выяснить, что от него хотят. Бубльгум, едва не упираясь стволом автомата ему в шею, замыкал процессию. Они пересекли весь склад и, открыв одну из дверей на другом его конце, стали подниматься по плохо освещенной бетонной лестнице. Не доходя до конца коридора, Малыш открыл дверь и вошел в комнатку, служившую, видно, чем-то вроде диспетчерской.

Вошедший следом Китаец сразу же увидел свою секретаршу, которая со связанными руками лежала на грязном топчане у стола. Перед окном, выходящим на склад, на стуле сидел небольшого роста парень в куртке-«пилоте», норковой шапке и с пистолетом в руке. Второй, держа перед собой стакан чая, развалился в драном кресле. Рядом с ним на полу лежал израильский «узи».

– Китаец, миленький, – по щекам Лизы градом покатались слезы, – вытащи меня отсюда. Я у Алки была, – начала быстро говорить она, – а тут ворвались эти. Алку убили...

– С тобой все в порядке? – Танин шагнул к Лизе, но парень, сидящий на стуле, направил на него «ТТ»:

– Стоять, блин!

– Какое там в порядке, – всхлипнула секретарша, – холодно здесь.

– Ладно, убедился, пошли, – тонко пропел Бубльгум и ткнул стволом Китайца в плечо. – Шеф велел кончить ее, – он повернулся к парню с пистолетом, – если внизу что случится.

– Это можно, – с ухмылкой кивнул парень.

Они вернулись в конторку, и Бубльгум снова занял свое место у входа. Танина усадили на стул в центре комнаты.

– Так вот, – начал шеф, – кстати, можешь называть меня Сергеем Ивановичем, мы ищем документы, которые спер и где-то спрятал один поц. Найдешь их и можешь забирать свою куколку. Как она в постели, ничего? – он похотливо усмехнулся.

– Что за документы? – Китаец проигнорировал последнее замечание.

– Документы, – посерьезнел Сергей Иванович, – на которых стоит подпись генерального директора отеля «Виктория».

– «Виктория»? – уточнил Китаец. – Это, кажется, совместное предприятие с американцами?

– Точно. – Лицо Сергея Ивановича посетило выражение крайнего удовлетворения. – Ты, оказывается, в курсе. Так вот, этот поц, который спер документы, – бывший менеджер бизнес-центра при отеле.

– И что в этих документах?

– Короче, – Сергей Иванович почесал лоб, – когда увидишь их, ты сразу разберешься, ты вроде шибко умный. Там написано о выпуске акций отеля.

– Наверное, необеспеченных, – предположил Китаец.

– Вот, вот, не-о-бес-печенных, – закивал Сергей Иванович.

– А как зовут этого бывшего менеджера?

– Питер Эванс.

– Американец?

– Не знаю, – пожал плечами Сергей Иванович. – Какое это имеет значение?

– Почему бы вам самим не спросить о документах Питера Эванса? – Танин сунул руку в карман, где у него лежали сигареты, и осторожно достал пачку.

Оглянувшись, он увидел, что Бубльгум держит его на мушке.

– Сигареты, – он раскрыл ладонь и показал пачку толстяку.

Тот опустил ствол, но продолжал неотступно следить за ним.

– Ты задаешь слишком много вопросов, сыщик, – лицо Сергея Ивановича стало злым. – Сроку тебе – двое суток. Найдешь бумаги – получишь свою телку. Я тебе позвоню.

– Как мне с вами связаться, если я найду документы быстрее?

Сергей Иванович задумался. Ему явно не хотелось оставлять Китайцу номер своего телефона, но, видно, бумаги ему нужны были срочно, да и от Китайца с его девкой в любом случае придется избавиться. Он вынул из кармана записную книжку, написал номер телефона и, вырвав листок, протянул его Танину.

– Найдешь быстрее – позвони, я организую встречу. И запомни, от тебя зависит жизнь и здоровье твоей телки.

– Ладно, я все понял, – с наигранной удрученностью произнес Танин, поднимаясь со стула.

Он сделал полшага в сторону, чтобы не зацепить стул, и мгновение спустя его пятка с силой вонзилась в гениталии толстяка, который охнул от дикой боли и, инстинктивно ухватившись за причинное место, принялся медленно оседать на пол. Автомат, который он выпустил из рук, оказался у Китайца, и его ствол был направлен точно в лоб Сергея Ивановича.

Держа автомат одной рукой, он присел и пошарил по карманам Бубльгума в поисках своего «ПМ». Найдя его, бросил автомат, после чего проверил карманы Сергея Ивановича.

– Тебе не жить, придурок, – прошипел Сергей Иванович, – можешь заказывать себе и своей соске панихиду.

– Если Лиза умрет, – Китаец вытащил из внутреннего кармана Сергея Ивановича «беретту» и опустил ее в карман своей куртки, – я заставлю тебя жрать дерьмо, а потом ты будешь долго и мучительно умирать в холодной сырой яме. Зови Малыша.

Чтобы до него лучше дошел смысл сказанного, Китаец слегка ткнул его в шею суставом согнутого среднего пальца, отчего в глазах у Сергея Ивановича помутилось и по телу разлилась слабость. «Ладно, хрен с тобой, сиди пока». Китаец, оставив безвольное тело шефа за столом, подошел к двери и, пародируя «кастрата», крикнул фальцетом:

– Малыш, мать твою!

Отодвинув немного тушу Бубльгума, встал на его место у входа – и как раз вовремя. Малыш заглянул в комнату и, увидев сидящего Сергея Ивановича, шагнул внутрь. Видимо, отсутствующий взгляд шефа, витающего где-то в эмпиреях, показался ему странным, потому что он повернулся в сторону Бубльгума, чтобы прояснить ситуацию, но тут же получил сильнейший удар ногой в солнечное сплетение, от которого тело его согнулось пополам, и он, скрючившись, упал на бетонный пол. Но он не почувствовал боли при падении, потому что еще до этого потерял сознание от короткого резкого удара ребром ладони по шее. Китаец отодвинул его с прохода.

– Ну-ка, вставай, – Танин подошел к Сергею Ивановичу и помог ему подняться. – Пошли.

Подталкивая его перед собой, Китаец подвел его к двери.

– Скажи: Джембул, – шепнул он ему на ухо.

– Джембул, – послушно повторил Сергей Иванович. Со стороны машины слышались торопливые шаги – видно, пацаны были неплохо вымуштрованы. Прислонив Сергея Ивановича к стене, он стал ждать и, когда появился водитель, ткнул ему сложенными вместе пальцами в горло. Джембул засипел и попытался развернуться, чтобы бежать, но удар рукояткой пистолета по темечку остановил его.

Подхватив его, чтобы не наделал много шума, Китаец опустил его на пол и, пошарив по карманам, нашел ключи от машины. «Отдохни пока». Оставались двое на втором этаже. Он опустил «ПМ» в кобуру.

Сейчас за выступом конторки его не было видно, но что, если там, наверху, занервничают? Он выглянул из-за угла, чтобы запомнить каждую деталь обстановки, которая могла бы послужить препятствием, хотя это было излишним – для него не составляло большого труда даже в темноте пробраться к двери, ведущей на второй этаж. Что он и намеревался сделать.

Китаец вернулся к конторке и, рванув рукоятку рубильника вниз, мягко, словно тень, метнулся в полной темноте через склад к заветной двери.

– Эй, что там у вас? – раздался сверху встревоженный голос Сявы.

Китаец в это мгновение поднимался по лестнице. Он преодолел последние ступеньки и уже подкрадывался к двери в диспетчерскую.

– Штырь, – услышал он голос Сявы, – иди-ка посмотри, что-то не нравится мне эта обес-точка.

– Да здесь не видно ни хрена, – выругался Штырь и шелкнул зажигалкой.

Китаец услышал, как открылась дверь, и прислонился к стене. Дрожащий огонек пламени осветил небольшой участок коридора. Он дождался, пока Штырь сделает от двери несколько шагов, бесшумно ступая, догнал его и левой рукой ударил по ключице, а правой подхватил «узи». Парень, не успев даже ойкнуть, потерял от боли сознание. Зажигалка выпала из ослабевших пальцев и стукнулась о пол.

Танин поднял зажигалку и прислушался: в диспетчерской было тихо. Он прокрался к двери и, прижавшись к косяку, попытался определить, где находится Сява. Из угла, где стоял топчан, доносилось сдавленное повизгивание Лизы. Китаец присел и бросил зажигалку в сторону окна: она ударилась о каменный пол, и тут же из угла, где стоял топчан, громоыхнул выстрел, за ним следом еще один. Одна пуля, срикошетив от стены, с противным визгом вон-

зилась в косяк над головой Китайца. Он, определив по вспышкам, откуда стреляет Сява, перекатился в ту сторону через голову и ударил ногой параллельно полу, надеясь сбить противника, но того уже там не оказалось, и нога Китайца прорезала пустоту.

«Чтоб тебя», – выругался Китаец, прижимаясь к стене.

Тут во весь голос заверещала Лиза, и снова загрохотали беспорядочные выстрелы. Направив «узи» в сторону вспышек, Китаец надавил на спусковой крючок. Автомат выплюнул короткую очередь, послышался стон, металлический удар упавшего на пол пистолета и глухой шум свалившегося тела.

– Лизавета, ты в порядке? – спросил Китаец, поднимаясь с пола.

– Не зна-а-а-ю, – плаксиво протянула она.

– Тогда потерпи еще немного, я сейчас вернусь.

– О-о-ой, Танин, миленький, не уходи, – запричитала она, – мне страшно.

– Цыц, я сказал, – шумнул он в сторону Лизы и, быстро добравшись до конторки, поднял рукоятку рубильника.

Он оглядел поле боя – все ли на месте – и, удовлетворенно хмыкнув, отправился наверх. Лиза сидела на топчане и пялилась на тело Сявы, лежавшее посреди комнаты. Танин разрезал веревку ножом, которым пацаны резали колбасу, и помог Лизе подняться. Она вся дрожала то ли от холода, то ли от страха, а скорее всего, и от того, и от другого.

– Идти можешь?

– Не зна-а-ю, – стуча зубами, ответила секретарша.

– Пора бы знать, Лизок, ты уже взрослая девочка, – Китаец мягко взял ее за руку.

Они спустились по лестнице, пересекли склад и остановились у джипа.

– Погоди-ка, – Танин оставил Лизу у машины и направился к воротам.

Через несколько секунд ворота со скрежетом поехали в сторону, открывая дорогу к свободе.

Глава 2

Без лишней суеты и шумихи Китаец помог Лизе сесть в машину, погрузился сам и плавно тронул темную громаду с места. Дорога от склада вывела на трассу, и Китаец понял, что определил свое местонахождение правильно.

От него не укрылось, что Лиза смотрит на него, как на героя – с восхищенным удивлением и обожанием. Он сдержанно улыбнулся, деликатно справившись, как она себя чувствует.

В отличие от своего по-мужски неразговорчивого шефа Лиза, наоборот, была девушкой живой и словоохотливой. Иногда это мешало их работе, иногда выручало.

– Ужас какой-то, – затараторила она, – представляешь, я на вечеринке у Алки была...

– Это я уже слышал. Где она живет?

– А что? – удивилась Лиза.

– Надо, – меланхолично отозвался Танин.

– Это еще зачем? Она же того, – Лиза сделала неопределенный кивок.

– Ты в этом уверена? – с сомнением в голосе спросил Китаец.

– Я что, на курсах медсестер не училась? – надула свои очаровательные губки Лиза. – Ой, как подумаю... – всхлипнула она, – что теперь будет?

– Так где живет твоя подруга?

– Лермонтова, семнадцать... – рассеянно сказала Лиза и уткнулась в окно.

– Вот, – Китаец протянул ей фляжку, – глотни.

– Да не могу я этот коньяк пить, – сделав глоток, поморщилась Лиза и ударилась в слезы.

– А у Алки пили? – слабо улыбнулся Китаец.

– Пили, – сквозь слезы с трудом выговорила Лиза, – шампанское пили, между прочим, итальянское.

– А-а, понятно, – усмехнулся Китаец.

Он никак не мог приучить Лизу к хорошим напиткам. Ее знания в области вин ограничивались шампанским, причем не самым лучшим, и красненьким сладеньким винцом по сорок рублей за бутылку. Этикетка оповещала граждан, что покупают они не что иное, как «Хванчкару» – знаменитое грузинское вино. На самом же деле сидящий в бутылке красный джинн был пленен и помещен в нее на какой-нибудь станции Озерки.

– Как они узнали обо мне? – Китаец посмотрел на притихшую Лизу.

– Я им сказала, – насупленно произнесла она.

– Спасибо большое, – иронически улыбнулся Китаец.

– А что мне оставалось делать, – оживилась Лиза, – ждать, когда они и меня, как Алку... – в салоне «Тойоты» раздался новый всхлип.

На этот раз он был неимоверно протяжен и горек.

– Успокойся, – Танин сжал Лизину руку.

Она была холодной и дрожащей.

– Как, как? – заикалась Лиза. – Как я могу успоко...

Рыдания сотрясли воздух. Китаец понял, что если он не примет экстренных мер, то не добьется от Лизы внятного и лаконичного рассказа. Он молча проехал еще пару километров, густо политых Лизиными слезами, и остановил машину на обочине.

– Ну-ка, давай лечить психическое расстройство...

С этими словами он схватил фляжку, быстро отвернул на ней пробку и, с силой обняв Лизу за шею правой рукой, стал вливать ей в рот коньяк. Послышались вой протеста, бульканье, хрипенье и потом, когда Китаец ослабил хватку, нечленораздельные ругательства.

– Черт, да ты мне все горло сожжешь, – она отпихнула Танина и принялась вытирать рот.

– Ничего, – усмехнулся он, – тяжело в лечении, легко в гробу.

– Вечно ты со своим черным юмором. Вообще-то, Танин, я тебе... – она кинула на него взгляд, полный искренней признательности.

Он немного смутился. Такие благодарные взоры всегда повергали его в некоторое замешательство. Он не склонен был считать себя героем, хотя, конечно, вполне отдавал себе отчет, что спас Лизу от верной смерти.

– Приятно встретить взгляд человека, которому только что оказал услугу, – глаза Китайца улыбались.

– Вечно ты со своими шуточками. Нет, действительно, – Лиза снова икнула.

– Выпей еще, послушай старого дяденьку.

– Старого, – нервно хохотнула Лиза, – сорок лет, по-твоему, возраст?

– Я, конечно, понимаю, что в состоянии послеосвобожденческой эйфории ты способна наговорить мне множество комплиментов. Я сам знаю, насколько я хорош, – пошутил он, – лучше расскажи, как все было.

– О-о-ой, – вздохнула Лиза, – собрались мы у Алки...

– Это я уже слышал. – Танин нажал на педаль акселератора, и «Тойота» продолжила свой путь по ночным просторам.

– Я, Алка, Светка и еще трое парней. Нахрюкались все до чертиков. Проводили мы этих кобелей домой. Можно сказать, в шею вытолкали...

– Надеюсь, ты мне не изменяла? – иронично улыбнулся Китаец. Ладно. Вытолкали, значит, и завалились с Алкой спать.

– Эх, Танин, если бы ты меня серьезно об этом спросил...

Наверное, и часу не прошло, как слышу, голоса вроде. Думаю, откуда, или мне снится, или уже глюки? Потом вопль такой страшный – Алка закричала. И тут же стихло все. Я в спальне лежала, а Алка в зале. Я, естественно, проснулась, голова – чугун, сердце как мотор – бум-бум! Вдруг в комнату влетает кто-то. Огромный такой слон. Я с кровати сползла – и к окну. Он бра включил и меня – за шкуру. Ухмыляется. Рожа противная. Ну, ты его видел. Слышу, они, эти, которые вошли, матюкаются. Поняла, что ищут что-то. Этот жирный говорит, значит, нет, мол, ничего, какого хрена, и далее матом отборным. Тут и до меня очередь дошла. Кончать меня решили. Я тут со страху и запричитала. Так, молола всякий вздор, а потом, когда, вижу, нет мне доверия, – принялась тебя им расписывать. Так меня и понесло... – Вывалив всю эту сбивчивую мякину, Лиза перевела дух.

– Представляю.

– Этот, простуженный, гляжу, заинтересовался. Ну, меня еще больше понесло. Потом руки мне скрутили и поволокли. Привезли в этот амбар, двоих уродов ко мне приставили. Я поняла, что пока убивать не будут. Ты уж меня прости, я сказала, что ты меня любишь и все для меня сделаешь. – Лиза виновато посмотрела на Китайца.

Эта гримаса тем не менее тут же сменилась на ее смазливом личике лукавой улыбкой. Лихорадочный блеск в ее по-детски распахнутых синих глазах смягчился томной поволокой. Из этого Китаец заключил, что коньяк оказал свое благоприятное расслабляющее действие.

– Значит, меня решили использовать... – невозмутимо подвел итог Танин.

– Если я расскажу кому-нибудь, никто не поверит, – Лиза мечтательно уставилась в потолок, – такое только в фильмах бывает. Чтобы мужчина за женщину – в огонь и в воду!

Она вздохнула и закрыла глаза. Китаец подумал, что она вот-вот уснет. Но волна мучительного воспоминания снова накрыла Лизу с головой и исторгла из ее многострадальной груди полувсхлип-полустон.

– Пей еще, – строго сказал Китаец.

Морща свой упрямый выпуклый лоб и аккуратный носик, Лиза поднесла флажку ко рту. Сделала два судорожных глотка и сморщилась еще больше.

– Ну и гадость!

– Много ты понимаешь в мужских делах, – со снисходительным пренебрежением произнес Китаец.

– Немного, но все же больше, чем какая-нибудь иная девица моего возраста, – с достоинством заметила Лиза.

– Эта квартира принадлежит твоей подруге?

– Ага, – Лиза прикрыла веки, – родители оставили.

– А сами куда делись?

– Отец умер, а мать за какого-то крутого бизнесмена вышла замуж, уехала с ним в Испанию. Да Алка сама не промах – давно уже шмотьем торгует.

– Сколько же ей лет? – Китаец хотел добавить «было», но из тактических соображений не стал.

– Алке? – не поняла Лиза.

– Ее удачливая мама меня пока не интересует.

– Она на четыре года меня старше. – Лиза убрала с лица волнистую белокурую прядь.

– Ворвавшиеся к вам добры молодцы действительно искали важные документы. Каким образом они могли оказаться у твоей подруги?

– Не знаю, может, это Питера? – предположила Лиза.

– По фамилии Эванс?

– А ты откуда знаешь? – удивилась Лиза.

– Работа у меня такая, – шутливо ответил Китаец, – твоя подруга знакома с Эвансом?

– Не просто знакома, – почувствовав себя источником ценной информации, Лиза напустила на себя важность, – она жила с ним.

– То есть? – Китаец тормознул машину у светофора.

Отсутствие прохожих никоим образом не сказалось на строгом соблюдении Китайцем правил дорожного движения. Нарушение их, не без оглядки на строгого, но справедливого Конфуция, он считал дурным тоном. Исключения делались только, как говорил Танин, в случае производственной необходимости – во время преследования, погони, а также при решении задачи как можно скорее прибыть в определенное место, если от этого зависела, например, чья-то жизнь.

– Эванс жил у Алки. Они были любовниками. Знал бы ты, как она этим кичилась! Всем растрезвонила, что скоро в Америку поедет... – с неодобрительной усмешкой произнесла Лиза.

– А он, как видно, возвращаться на свою историческую родину не собирается, – шутливо предположил Китаец, нажимая на педаль акселератора, – или собирается? И вообще, где он был, когда вы там бал устроили?

– Где-где, – пробурчала Лиза.

– Лиза-Лиза, – в тон ей сказал Китаец, – ты же такая молодая, а брюзжишь, как какая-нибудь восьмидесятилетняя старуха, – с наигранным упреком посмотрел на нее Танин.

– Я иногда и чувствую себя восьмидесятилетней... – Капризная ямочка на Лизином подбородке придала этой сдобренной недовольством и намеком реплике дополнительную живость.

– Это как же? – притворился, что не понял, Китаец.

– Когда ты вот так равнодушно спрашиваешь меня о чем-то или смотришь на меня, как на гадкого утенка, – прогнусавила Лиза.

– Что за чушь? – рассмеялся Китаец. – Ты далеко не гадкий утенок. Знала бы ты, – лукаво посмотрел на нее Танин, – чего мне стоит иногда сдержаться и не...

– Отлупить меня? – воскликнула Лиза.

– Нет, – Китаец укоризненно взглянул на свою секретаршу, – этого у меня и в мыслях нет. Ну разве лишь совсем немного... Для пользы дела...

– Вот-вот, – Лиза недоверчиво посмотрела на своего шефа, – все-то у тебя для дела.

– Не забывай, кто мы.

– Кто? – с насмешливым вызовом произнесла Лиза.

– Я – детектив, солидный дядя, а ты – моя сдержанная пунктуальная секретарша.

Лиза расхохоталась.

– Ты думаешь, в это кто-то верит? – задорно спросила она.

– Конечно, нет, и мне доставляет громадное наслаждение, когда в глазах нашего клиента я читаю лукавое выражение: мол, вы меня не обманете, небось спите вместе, а потом из себя строгих детективов разыгрываете. И невдомек ему, что он заблуждается. Впрочем, как сказал Цюй Юань: «...Никто не может избежать ошибок...»

– А ты ведь думаешь, что ты и этот твой Юань – одно и то же лицо... – проницательно сощурила левый глаз Лиза.

Китаец испытал чувство, похожее на то, которое испытывает преступник, застигнутый на месте преступления. Оно, это чувство, подобно вспышке фотокамеры, длилось не больше секунды.

– Это еще почему? – прикинулся он шлангом.

– Цитируешь его все время...

– Ну, это не показатель.

– А цитируешь ты его потому, что, во-первых, он – из тех же мест, что и ты, а во-вторых, потому, что тебе кажется, что и ты, как и он, изгнанник. Ты, конечно, сам уехал из Китая, вернее, тебя забрал отец, но тебе приятней себя считать изгоем, так ведь?

– Блистательный анализ! Я словно побывал на сеансе у самого доктора Фрейда или Юнга, – рассмеялся Танин, – ты еще не сказала, что в моем представлении Китай – это что-то вроде потерянного рая, материнской утробы и тому подобное... А я еще раз убедился, что доверять свои секреты женщине не стоит.

– Это твое отношение к женщине... В нем есть что-то восточное, – Лиза с упреком посмотрела на него.

– Может быть... Но мы отклонились от темы. Да, Лиза, хочу тебе заметить, что ничто тебе так хорошо не удастся, как отклонять и отклоняться от темы. – Китаец скосил на девушку свои насмешливые глаза. – Вернемся к Эвансу. Где он? Как так произошло, что вы устраиваете вечеринку и приглашаете ребят? Или Эванс не ревнивый?..

– Он в Москву уехал. Стала бы Алка так рисковать!

– И когда он должен прибыть, если не секрет? Или он уехал навсегда? Может, он смыться решил?

– Алка сказала, что до четверга можем веселиться, – погрузнела снова Лиза.

– Довеселились... – мрачно процедил Китаец.

– Мы что, виноваты? – насупилась и встала в оборонительную позицию Лиза.

– Конечно, нет. Расслабься. Значит, Эванс должен прибыть завтра?

– Легко тебе говорить – расслабься! – вздохнула она.

– Он самолетом летит? – Китаец закурил.

Лиза утвердительно кивнула.

– И давно твоя подруга с ним живет?

– Около трех месяцев.

– Она тебе ничего о его работе не рассказывала?

– Нет. Но, как я поняла, у него все спокойно было. Хотя...

– Хотя что? – Китаец выпустил струйку дыма.

– Алка говорила, что больно уж он шикует. А я ей сказала, что не тебе, мол, судить.

– Вон ты какая!

– Какая? – гордо выпрямила спину Лиза.

– Принципиальная, – шутливым тоном произнес Китаец. – А как он выглядит, ее американский дружок?

– Толстый, лысый, глазки голубенькие, и все время улыбается.

Лиза состроила смешную рожицу.

– От такого загуляешь, – добавила она спустя минуту.

– Зато ты Аполлонов коллекционируешь, – поддел Лизу Китаец.

– А что? Лучше уж с красивыми бедняками спать, чем с лысыми и толстыми толстосумами, – скаламбурила Лиза. – А мы куда едем? – подавив зевок, спросила она.

– Отвезу тебя в одно укромное местечко... – улыбнулся Китаец.

– Какое такое местечко? – насторожилась секретарша.

– К приятелю своему. Поживешь у него немного. Он парень тихий, приставать не станет.

– А хоть бы и стал, – капризно поджала губы Лиза.

– Игнатом зовут. Он – художник...

– Дружок твоей художницы? – намекнула она на Анну.

– А вот это тебя не касается, – одернул Лизу Китаец, – у него есть телефон. Позвонишь, если что, родителям.

Лиза снимала однокомнатную квартиру в центре. Накопив денег, она смогла позволить себе одинокое привольное житье, молитвенную тишину которого частенько нарушали появившиеся, как грибы, и исчезающие, как рассветный туман, молодые люди. Каждую свою интрижку она нарекала «страстью» и после расставания с очередным «Тристаном» думала вешаться, топить, травиться или... забыться с Китайцем. Но последний хранил деловой нейтралитет и, обычно выслушав волнуемое Лизино повествование о бросившем ее «неблагодарном» и «порочном» ухажере, советовал ей повнимательней присматриваться к охотникам до ее «цветущей девичьей плоти». Это пышное шутливое выражение действовало на Лизу, как обожаемое ею шампанское – кружило голову, спутывало мысли и одновременно смешило.

Мать Лизы и отчим, составлявшие причудливый дуэт молодящейся кокетки и честолубивого альфонса, проживали в двухкомнатной квартире улучшенной планировки, не утруждая себя особо частыми посещениями своей «непутевой» девочки. Одно время Гена, как звали молодого мамино мужа, стал подбивать клинья к своей смазливой падчерице. Если бы не спокойное, но решительное вмешательство Китайца, то неизвестно, чем бы все это кончилось. Отдельная квартира для Лизы казалась единственным приемлемым вариантом разрешения щепетильной и тревожной ситуации. Но когда Геннадий спустя ровно месяц появился у двери ее уютного жилища, она пришла в ужас и в отчаянии доверилась своему шефу, который, движимый благородством и состраданием, мягко припугнул отчима, чем заметно облегчил существование своей секретарше и ее матери, которая начала проявлять понятное беспокойство.

– Моим «родителям» до меня нет никакого дела, – невозмутимо сказала Лиза.

– Ты уже большая девочка, – улыбнулся Китаец.

– А нельзя мне это время пожить у тебя? – неожиданно спросила Лиза.

– Нельзя, – отрезал Китаец.

– Но у тебя же такая большая квартира! – возмущенно воскликнула Лиза. – Или тебя волнует, что люди подумают?

– Не мели чепухи. Общественное мнение здесь ни при чем.

– Тогда почему ты...

– Ты же красивая девушка, Лиза, – он многозначительно посмотрел на нее, но его шутливый настрой выдадал тонкая и, как говорила Лиза, «насквозь китайская» улыбка, – вдруг я не устою...

– Вечно ты так, – обиделась она, – подкальываешь и ничего толком не объясняешь. А-а, понимаю, ты перед своей художницей трепещешь...

Лиза приготовилась к холодному взгляду и вежливому одергиванию, но Китаец только усмехнулся.

– Приехали. – Он сбавил скорость на въезде во двор длинной девятиэтажки. – Веди себя прилично. Игната не соблазняй. Он хоть и разведенный, но жену свою по-прежнему любит.

– Что это тебя на проповеди потянуло? А насчет моральной устойчивости твоего приятеля – это мы проверим.

– Ну ты, женщина-вамп, давай без глупостей, – Китаец бросил на девушку строгий взгляд, но его рот тут же растянулся в улыбку.

Лифт не работал, но Игнат, слава богу, жил на третьем этаже.

– Так что же, я отсиживаться буду, а ты деньги зарабатывать? – сказала Лиза, когда они поднялись на второй этаж.

– Какие такие деньги?

– Не прикидывайся. Я ведь поняла, что ты этими документами заинтересовался, – хитро улыбнулась Лиза.

– Когда мне потребуется твоя помощь, я дам тебе знать.

– Врешь ты все. Постой, – спохватилась Лиза, – ты ведь сказал, что у твоего приятеля телефон есть. Что же ты ему заранее не позвонил?

– Пусть поспит подольше.

Китаец остановился перед выкрашенной в коричневый цвет стальной дверью и позвонил. Ждать пришлось минуты две.

– Еще позвони, – предложила Лиза.

– Не волнуйся. Игнат слышал, сейчас откроет.

Едва он успел договорить, как дверь действительно открылась, и в проеме возник высокий нескладный парень лет двадцати восьми, с заспанной физиономией. Он старательно приглаживал светлые вихры. В его лице было что-то мальчишески упрямое и искреннее. Вздернутый нос и плутоватый взгляд придавали ему задорное выражение.

– Даже не спрашиваешь, кто, – назидательно сказал Китаец.

– А кто еще может прийти в такое время? – улыбнулся Игнат и потер правый глаз. – Проходите.

Он вяло посторонился и небрежной походкой направился на кухню. Лизу задело, что Игнат не проявил к ней ни малейшего интереса.

– Щас чайник поставлю, – донеслось до гостей из кухни.

– Чай вы с Лизаветой будете пить. Ну подойди же, – с упреком обратился он к хозяину, – я ведь вас не познакомил.

Игнат флегматично припелся в прихожую и, прислонясь к косяку, уставился на Лизу.

– Лиза, моя секретарша. Игнат – мой друг и просто гениальный художник, – представил друг другу молодых людей Китаец, заметив, как порозовели Лизины щеки. – Выручай, старик. Лизе нужно схорониться где-нибудь денька на три-четыре. Я подумал о тебе...

– Да ладно, – пожал плечами Игнат, – место есть. Только, – он перевел взгляд с Китайца на его секретаршу, – у меня строго. Режим и все такое. Болтать я не люблю.

Лиза смутилась и даже как-то растерялась.

– Ну ты прямо так, с ходу, – укоризненно посмотрел на Игната Танин, – и потом, Лиза – девушка тихая, тактичная, умная, она тебе не помешает.

Игнат усмехнулся и пожал плечами.

– Я, к сожалению, должен вас покинуть, – Китаец наклонил голову. – Да, Лиза, номер квартиры твоей подруги?

– А ты что, туда собрался? – насторожилась она.

– Я обязательно навещу тебя и обо всем расскажу, – заверил Танин свою подозрительную секретаршу.

- Восемнадцать.
- Ну, – Китаец пожал руку Игнату, – спасибо. Лиза, чао.
- Он привлек к себе девушку.
- Будь умницей.

* * *

Устроив Бедную Лизу, Китаец спустился к джипу и одним плавным и точным движением сел за руль. Когда он выходил от Игната, часы показывали четвертый час ночи. Он потер лицо ладонями, отгоняя сон, запустил мотор и двинул в сторону Лермонтова. Дом, где жила подружка его секретарши, был чем-то похож на его, Китайца, дом: тоже четырехэтажный, старый, но крепкий.

Он оставил «Тойоту» на дороге и, пройдя под аркой во двор, стал подниматься по лестнице. На площадке второго этажа он остановился. Тяжелая деревянная дверь, ведущая в квартиру Аллы, была закрыта. Китаец вынул из кармана тонкие хлопчатобумажные перчатки, натянул на руки и взялся за массивную бронзовую ручку в виде шара. Дверь поддалась. Китаец осторожно открыл ее и, нащарив в темноте выключатель, зажег в прихожей свет.

Вернувшись к двери, он тщательно осмотрел замок и только после этого закрыл ее. По всей квартире, начиная с прихожей, словно ураган пронесся: все вещи были перевернуты или опрокинуты, одежда была сорвана с вешалки, на полу валялись осколки посуды.

Китаец отметил, что до того, как здесь похозяйничали незваные гости, квартира представляла собой довольно уютное и хорошо обставленное местечко. Мебель была недорогая, но добротная. Цветовая гамма обоев, занавесей и ковров гармонировала с обивкой кресел и дивана. Только некоторые предметы как бы выбивались из общей массы своим происхождением. Он решил, что они принадлежат американскому приятелю Аллы.

Тело хозяйки квартиры он обнаружил лежащим среди выброшенных из шкафов вещей, рядом с диваном, на котором она, по-видимому, спала, когда ворвались грабители. Из одежды на ней были только узкие ажурные трусики. Казалось, она продолжала спать, положив руку под голову и согнув одну ногу в колене.

Китаец снял перчатку, присел рядом с телом и коснулся кончиками пальцев яремной впадины. «Мертвее не бывает, – констатировал он, надевая перчатку, – Лиза была права, когда сказала, что подругу убили». Удостоверившись, что хозяйке уже ничем не поможешь, Китаец начал тщательный осмотр квартиры. Конечно, до него здесь уже побывали с точно таким же намерением: найти документы. Более того, он и сам был почти уверен, что здесь их нет, но все же, как профессионал, должен был в этом убедиться.

Он стал методично перебирать одну вещь за другой, заглядывая во все места, где можно было спрятать бумаги. Он работал без спешки, руки двигались ритмично и экономно: никаких лишних движений. Он обнаружил несколько цветных фото. На одной из них пышнотелая статная блондинка стояла под руку с коренастым лысоватым типом лет сорока. На мужчине был светлый летний костюм, он улыбался широкой голливудской улыбкой, обнажавшей белые крепкие зубы. На носу – очки в тонкой металлической оправе. Эванс.

Китаец сунул фото в карман.

Закончив с гостиной, он перешел в спальню, а затем в третью комнату, которая служила чем-то вроде кабинета или библиотеки. Книг было не слишком много, но перелистывание их отняло, пожалуй, большую часть всего времени. Оставались кухня, прихожая и ванная с туалетом. С кухней пришлось повозиться, а на остальные помещения у Китайца ушло не больше семи минут.

Не оставаясь в квартире ни секундой дольше, чем это было необходимо, он погасил свет, постоял немного у двери, прислушиваясь к шумам на лестничной площадке, и неслышно,

будто привидение, выскользнул наружу. Перчатки снял уже на лестнице. Во дворе никого не было. Танин вышел на улицу и сел в машину.

Он проехал несколько кварталов, прежде чем нашел телефон-автомат на здании Дома быта. К его удивлению, аппарат оказался в рабочем состоянии, и Танин набрал «ноль два». Когда холодная трубка отозвалась молодым мужским голосом, он продиктовал адрес Лизиной подруги и добавил еще одно слово: «Убийство».

– Вы кто? – попытались выяснить на том конце провода. – Назовите свое имя.

Но Китаец уже повесил трубку.

Домой идти не хотелось: его квартира, хоть и не так обставленная, напоминала ему квартиру покойной. Не то чтобы Китаец был чересчур чувствительным или мнительным, просто он всегда старался делать то, что ему хочется, и, соответственно, не делать того, чего делать не хотелось. По возможности, конечно. В данный момент такая возможность была. Он вынул «беретту», которая до сих пор оттягивала карман его драповой куртки, и бросил на сиденье «Тойоты». Заперев джип и сунув ключи в карман, быстрым шагом направился по хорошо известному адресу.

* * *

Он несколько раз нажал на кнопку, как было условлено, и, не успели еще стихнуть последние переливы звонка, дверь распахнулась перед ним.

– Господи, Танин, – сонно вздохнула Анна и улыбнулась.

На ней был только тонкий шелковый халат, по длине больше напоминающий мужскую сорочку.

– Не слишком поздно для визита? – Танин шагнул через порог. – Или еще слишком рано? «...Он томился днем, он бродил с тоской в долгих поисках девушки такой...»

– Хватит болтать, – Анна обвила руками его шею и, закрыв глаза, нашла своими теплыми губами его губы.

– Ты считаешь, что я слишком болтлив? – улыбнулся Китаец, закрывая за собой дверь.

– Скорее наоборот. – Анна дала ему возможность снять куртку, кобуру и мягкие замшевые туфли на толстой подошве и снова прильнула к нему. – А вот твой Цюй Юань – точно!

– Что за вздор? Поэт, по-моему, просто обязан быть болтливым, особенно тот, которого отправляют в изгнание.

Анна не могла возразить, потому что Китаец целовал ее, глядя ее гибкую спину и округлые ягодицы сквозь скользкий шелк халата.

– Ты голоден? – Она оторвалась наконец от его губ и, прищурившись, посмотрела на него. – У меня есть курица.

Китаец отрицательно покачал головой и улыбнулся.

– Может, хочешь водки? – Она направилась к холодильнику, стоявшему между прихожей и кухней. – Милка недавно приходила, немного осталось.

– У меня есть коньяк. – Китаец достал из кармана куртки плоскую бутылку, купленную по дороге, и плитку шоколада. – Не возражаешь?

Анна поставила на стол хрустальные рюмки, достала из холодильника блюдо с лимоном.

– За тебя, – Танин наполнил рюмки, и они чокнулись.

* * *

Анна пошарила рукой по постели. Пустота. Размыкать сонные веки, тем более выбираться из-под пухового одеяла в сумеречный холод утренней комнаты не хотелось. Она блаженно улыбнулась, как улыбаются дети, – неизвестно чему. Человек, приученный с детства

всему находить объяснение, каким бы вздорным и незрелым оно ни было, считал бы эту хмельную улыбку свидетельством со вкусом и с пользой проведенного времени или торжеством распылчатых, но сладких надежд на будущее. В случае же с Анной это было не чем иным, как проявлением бессознательной радости просто оттого, что она живет, дышит, пишет холсты и спит с таким мужчиной, как Китаец.

Шум воды, доносившийся из ванной, придал ей бодрости – Китаец не ушел, как в прошлый раз, неслышно закрыв за собой дверь. Она даже не знала, поцеловал он ее тогда перед уходом или нет. Может быть, просто посмотрел на нее с выражением сдержанной нежности на своем гладком смуглом лице. Такие односторонние прощания, как, впрочем, и неожиданные появления из туманности того, что она готова уже была принять за вечную разлуку, были его хобби.

Анна открыла глаза и, сев в постели, потянулась. Квартира отапливалась плохо. Иной раз, когда на улице стоял мороз градусов пятнадцать-двадцать, приходилось напяливать на себя не только теплую пижаму, но и джемпер. Она медленно встала и прошла в ванную.

Китаец брился. Его мускулистое гибкое тело, память о котором отзывалась в Анне болью и наслаждением, было скрыто под толстым махровым халатом. Этот халат, пена для бритья, бритва и зубная щетка были единственными вещами, которыми он соизволил указать на более-менее постоянный характер их отношений. Анна знала, что он встречается с другими женщинами, по-своему это ее даже волновало. В ее воображении, которое было таким же чутким и отзывчивым, как и ее тело, любовные перипетии, переживаемые Китацем на стороне, составляли неотъемлемую часть того загадочно-романтического ореола, которым была овеяна его личность, наряду с его китайским детством, мятежной юностью и нынешними детективными историями, которые самым жестоким образом сказывались на их и без того шатких, полных томления и тревоги отношениях.

Увидев Анну в зеркале, Китаец не мог ей улыбнуться – его лицо под бреющей рукой было напряжено, как натянутый на подрамник холст. Но Анна все-таки заметила тонкие морщинки, заскользившие к вискам от уголков его немного раскосых глаз. Смыв пену, он несколько раз ополоснул лицо водой и только потом повернулся к ней.

– Я думала, ты уже ушел, – с виноватой улыбкой сказала она.

Она усвоила эту улыбку, как и многое другое, без чего их отношения потеряли бы всякий смысл. По крайней мере, ей так казалось. Она всегда чувствовала себя не в своей тарелке, когда инстинкт любящей женщины, более всего на свете желающей удержать любимого возле себя, прорывался в неосторожное слово. В силовом поле их отношений частенько даже самая банальная и шутливая реплика звучала как намек на досадную неуловимость Китаца.

– Ты же видишь, что нет, – потрепал ее по щеке Китаец, – хотя собираюсь.

Он помазал лицо ее кремом с равнодушием человека, привыкшего довольствоваться тем, что подвернется под руку, похлопал себя по щекам, взял с полки часы и прошмыгнул в коридор.

Квартира у Анны была однокомнатная. Тесная сама по себе, она еще к тому же была загромождена полотнами, красками, кистями, эскизами, гипсовыми головами и прочим богемным хламом. Китацу это нравилось, иногда он даже позировал. И как раз в те тягучие, как растопленная смола, часы, когда он бился над какой-нибудь мысленной задачей, анализируя факты и мотивы возможных участников преступления, расследованием которого занималось его агентство, Анна имела в его лице покорную и терпеливую модель.

Собственно, все агентство состояло из двух человек – Китаца и его секретарши, девицы довольно легкомысленной и фривольной. Анна не могла взять в толк мотива, побудившего ее странного любовника принять на работу эту скандальную девицу. Китаец отшучивался, утверждал, что эта особа, его секретарша, кроме отрицательных качеств, обладает и положительными, такими, как сообразительность, смелость и расторопность. «К тому же, – многозначи-

тельно улыбался Китаец, – она не устраивает мне сцен, когда застаёт тет-а-тет с какой-нибудь благоухающей „Клима“ красоткой».

Анна надувала губы, но по-настоящему обидеться на Китайца было выше ее сил.

– Опять ты греешь чайник, – Анна села на табурет, в то время как Китаец жарил яичницу.

Китаец не жаловал электроприборы, в том числе и электрочайник. Он предпочитал обычную алюминиевую посудину. Анна считала это проявлением его вздорного упрямства. Этим же упрямством она объясняла и его неразговорчивость.

– Опять ты мне это говоришь, – ей в тон сказал Китаец. – Давай тарелки.

Завтракали молча, каждый думал о своем. Анна – о недопустимой сухости Китайца, о его зачастую оскорбительной для нее деловитости, Китаец – о скрытом недовольстве Анны, об упреке, который он замечал в ее зеленых глазах, о том, как нежны и изящны ее руки.

Покончив с едой, Китаец спешно оделся и, чмокнув Анну в щеку, хотел было выскочить на лестничную площадку, но Анна остановила его:

– Когда появишься?

– «...Путь далек, и не знаю, где ступлю я на землю...» – вместо ответа процитировал Танин своего земляка.

– Я серьезно, – в голосе Анны появились нотки нетерпения.

– Ты же знаешь, я не люблю определенных вопросов и неопределенных обещаний, – с ироничной усмешкой ответил Китаец.

– Тогда, может, упаковать твои вещи?

– Не стоит, – ободряюще улыбнулся он, вертя в руках брелок, на котором позвякивали ключи от машины.

– Сразу предупреждаю, – проявила несговорчивость Анна, – если не появишься до Нового года, я все твои шмотки выброшу.

– Ой, как это не похоже на интеллигентную девушку, – с наигранным упреком помотал головой Китаец.

– Или нет, – повеселела Анна, – я разрежу твой знаменитый халат на тряпки и стану вытирать им окна.

– Хорошо, что не полы, – усмехнулся Китаец, – а вообще-то, подумай о моей посмертной славе и своей прижизненной выгоде, – пошутил он, – когда детектив Танин погибнет при исполнении – ты ведь этого боишься? – и слава о нем пройдет по «всей Руси великой», – ты сможешь дорого продать этот халат. Так что не иди на поводу эмоций...

– Проваливай, детектив Танин, – засмеялась Анна, прекрасно зная, что, даже если Китаец не появится до будущей весны, его вещи останутся в полной неприкосновенности, так же, как и ее сердце.

Глава 3

Танин тормознул такси и, откинувшись на спинку заднего сиденья, назвал свой адрес. Через десять минут он уже был возле своего дома. Он поднялся к себе, надел свежую сорочку, серый в тонкую полоску костюм, скроенный специально, чтобы скрывать наплечную кобуру, повязал галстук. Вместо куртки из драпа Танин надел длинное кашемировое пальто. «Нормально», – оценил он себя, взглянув в зеркало, висевшее в прихожей. Спустился во двор, запустил двигатель своего джипа и, дав мотору немного прогреться, направился в агентство.

Его агентство располагалось в одноэтажном кирпичном доме барачного типа. Интерьер этой старой постройки не блистал ни шиком, ни комфортом. Деревянные полы, кривоватые стены, крашенные еще, похоже, на заре нэпа, присущий всем древним и полузаброшенным помещениям сладковато-гнилостный запах сырости, лампочки, лишённые деликатных объятий абажуров, обитые полинялой вытертой кожей двери – все это не настраивало на оптимистичный лад, но причудливым образом отвечало склонной к меланхолии натуре Китайца.

Когда Анна спрашивала его, зачем он загнал себя и свою ветреную секретаршу в утробу этого кирпичного чудовища, он только лукаво улыбался. Правда, иногда ей удавалось получить от него более-менее вразумительный ответ. Кроме простого объяснения, уместившегося в одном слове – «нравится», Китаец приводил такие доводы, как близость к центру и конспиративная неприметность.

Две просторные комнаты, арендованные Китайцем в вышеупомянутом ветхом здании, имели, правда, далеко не ветхий вид: удобные стеллажи, вполне современный компьютер, кресла и пластиковые стулья.

Он снял куртку, сел за стол и закурил, пододвинув поближе небольшую латунную пепельницу с инкрустацией. Вот уже две недели у него не было никаких заказов, деньги подходили к концу, и пора было что-то предпринимать. Он взял со стола «И-Цзин» – Китайскую книгу перемен, но открывать не стал, а, подержав немного в руках, положил на прежнее место. Иногда он обращался к этой мудрой книге за советом, но, будучи атеистом, рассчитывал только на собственные силы. Да и атеизм его был не воинственным, растрачивающим себя на доказательства того, что бог не существует. Скорее его атеизм заявлял, что, даже если бы бог существовал, это ничего бы не изменило. С этой точки зрения он был почти стопроцентным экзистенциалистом с налетом бонвиванства. Попросту говоря, он не верил ни в какого творца, в быту мог довольствоваться самыми необходимыми вещами, но иной раз не прочь был погулманствовать.

Однако ему неоднократно приходилось убеждаться, что советы и предсказания, соответствующие гексаграммам, данным в «И-Цзин», странным образом влияли на его жизнь и судьбу. У него даже были специальные китайские монеты с отверстиями, при помощи которых он формулировал вопросы. Но доставал он эти монеты изредка, лишь тогда, когда какое-то чувство подсказывало ему сделать это.

Сигарета догорела почти до фильтра, и Китаец ткнул ее в пепельницу. Телефон молчал, клиенты не спешили почему-то обращаться за помощью к частному детективу Владимиру Танину. Вчерашний ночной звонок Сергея Ивановича к числу обращений он не относил. Танин и из журналистики ушел потому, что ему хотелось свободы, хотя бы относительной. Он мог, конечно, исправно работать журналистом и дальше, тем более что его репортажи всегда заставляли читателей волноваться и засыпать редакцию мешками писем. Но главный редактор, у которого, в свою очередь, тоже было начальство в лице клерков из Министерства культуры, требовал от Танина вполне конкретных действий, а вот именно это Танину не нравилось больше всего.

В агентстве он отвечал сам за себя и мог отказаться от дела, если оно по каким-то причинам его не устраивало. Он вполне отдавал себе отчет, что эта свобода довольно эфемерна. Чтобы прокормить себя, он должен был браться и за не слишком интересную работу, но чувство, что никто...никто не может на него давить, подобно теплу из сердца земли, грело его наполовину китайскую душу.

Почему он заинтересовался этими документами и начал их разыскивать? Очень просто: во-первых, это была работа, за которую он мог получить деньги, а во-вторых, он не мог оставить без внимания угрозу Сергея Ивановича и подвергать опасности жизнь Лизы. Нужно было решить этот вопрос, и как можно скорее. Поэтому он отодвинул упорно молчавший телефон, оделся и направился в отель «Виктория».

Реконструкцию обветшавшего трехэтажного здания гостиницы «Виктория», расположенного в самом центре города, начинали несколько раз еще в бытность Танина журналистом. Но каждый раз не хватало денег, и начатые работы прекращались. Так продолжалось до тех пор, пока выгодным проектом не заинтересовались американцы. Было создано совместное российско-американское предприятие «Виктория», куда должен был войти одноименный отель и бизнес-центр. Одним из учредителей выступила местная мэрия. Дело пошло, были надстроены еще два этажа, и вместо старой развалюхи, помещения в которой арендовали полусомнительные конторы, город получил здание с современной начинкой, архитектура которого была выдержана в стиле исторического центра города.

* * *

Корейский джип «Массо», на котором ездил Китаец, остановился в квартале от отеля «Виктория», так как стоянки рядом не было. Он выбрался из машины и легкой походкой направился в сторону отеля, чуть слышно насвистывая незатейливую мелодию.

Стеклянные двери отеля, снабженные фотоэлементами, предупредительно разъехались перед ним, приглашая войти. «Сервис», – Китаец шагнул в вестибюль, отметив также видеокамеру, следящую за каждым посетителем и записывающую все на пленку. Швейцар в ливрее, напоминающий телосложением культуриста, почтительно выпрямился перед ним, провожая взглядом.

Просторный высокий вестибюль, отделанный светлым мрамором, выглядел стильно и уютно. В центре и у правой стены, где находились лифты, двери которых с мелодичным звоном открывались, когда кабина прибывала на этаж, стояли огромные мягкие диваны, обтянутые коричневой кожей. Перед диванами выстроились столики на массивных позолоченных ножках. Всю левую стену, за исключением прохода к лестнице, занимала застекленная стойка, над окошечками которой были надписи на двух языках: русском и английском.

В воздухе витал легкий аромат дорогих сигарет, смешанный с запахом изысканных духов. Кроме встретившего Китайца швейцара и двух девушек в супермини, которые курили, сидя на одном из диванов, в вестибюле никого не было. Они обе, Китаец заметил это, проводили его оценивающими взглядами, когда он проходил мимо, направляясь к окошку с надписью: «Менеджер отеля». «То есть администратор», – решил Танин.

У девушки, сидящей за окошком, были темно-русые, расчесанные на прямой пробор волосы, заплетенные в косу. Она подняла на него вопросительный взгляд, в котором читалась готовность услужить.

– Добрый день, – мило улыбнулась она.

– Леночка, – ее имя он прочел на бейдже, закрепленном на кармашке белой кофточки с большим вырезом, – я хочу пожить в вашем замечательном отеле... – Китаец поднял глаза к потолку, словно прикидывая что-то, – ...месяцев двенадцать.

– Пожалуйста, – улыбнулась она уже более искренне и широко, поняв, что он шутит, и, принимая его игру, добавила: – Можете жить у нас хоть целый год.

– Хочу, но, к сожалению, не могу, – смуглое лицо Танина приняло страдальческое выражение, – средства не позволяют.

– Поживите у нас хотя бы двенадцать часов, – предложила Лена.

– Во что это мне обойдется? – заинтересованно спросил Китаец.

– Люкс или апартаменты? – уточнила Лена.

– Апартаменты, конечно, – уверенно произнес Танин.

– Двести условных единиц, – она убрала прядку волос, упавшую ей на щеку, за ухо.

– А сколько это будет в юанях? – с самой серьезной миной спросил Китаец.

Лена весело рассмеялась.

– Могу перевести в деревянные по курсу, – ответила она, немного успокоившись, и потянулась к микрокалькулятору, лежавшему рядом с компьютером.

– Не утруждайтесь, – остановил ее Танин. – Вообще-то мне нужен ваш генеральный.

– Генеральный директор отеля? – Она приняла деловой вид. – Его кабинет на втором этаже, – тоненький пальчик показал в сторону лестницы. – К нему за неделю записываются на прием.

– Спасибо, – кивнул Китаец. – У вас скоро обед?

– Через сорок минут, – она растерянно посмотрела на экран компьютера.

– Не составите мне компанию? – с улыбкой спросил он.

– А юаней хватит? – усмехнулась Лена.

– На две миски риса и чай, – с грустью произнес Китаец.

– Хорошо, я согласна, – улыбнулась она. – Значит, договорились, – Танин обогнул стойку и пошел в сторону лестницы.

Коридор второго этажа был устлан толстым красно-зеленым ковром, скрадывавшим звуки шагов. Открыв высокую двустворчатую дверь с позолоченной табличкой, он очутился в приемной. Двое грузных мужчин, один из которых был с бородкой, со скучающим видом ожидали аудиенции.

– Вы к кому? – с заученной улыбкой поинтересовалась брюнетка с прилизанным каре, оторвавшись от компьютера.

– К генеральному директору, – невозмутимо сказал Китаец, направляясь к двери, ведущей в кабинет. – Он у себя?

– У Руслана Умаровича совещание, – она выскочила из-за стола и с негодованием преградила Китайцу дорогу. – Вам назначено?

– Нет, не назначено, – с наивным видом ответил Танин. – А что, нужно?

– Обязательно, – с придыханием ответила она и кивнула в сторону мужчин: – Видите, люди ждут.

– Мы, между прочим, второй час уже здесь сидим, – возмущенно произнес мужчина с бородкой.

– Тогда запишите меня... – Танин скользнул взглядом по бородатому и посмотрел на большие плоские часы, висевшие над дверью, показывавшие двадцать пять минут первого, – на двенадцать тридцать, у меня срочное дело.

– На какой день? – деловито спросила брюнетка.

– На первое декабря одна тысяча девятьсот девяносто девятого года, – сделав непроницаемое лицо, ответил Китаец.

– Это же сегодня, – растерянно произнесла секретарша. – Перестаньте шутить, пожалуйста. Могу вас записать на двенадцать тридцать на послезавтра. И скажите спасибо, что не через неделю, – она жеманно поджала губки, – просто у меня «окно» появилось.

– Спасибо, – поблагодарил Китаец, – только вы меня не поняли. У меня срочное дело. Я не могу ждать до послезавтра.

– Я прекрасно вас поняла, молодой человек, – безапелляционно заявила брюнетка, – это вы меня не поняли. Я иду вам навстречу, а вы оскорбляете.

– Марина Евгеньевна, – Китаец демонстративно наклонился к бейджу на ее блузке, под которой волнуяще вздымались пышные полушария, – вы доложите, пожалуйста, Руслану Умаровичу, что господин Танин пришел от Сергея Ивановича и хочет срочно, – Китаец выделил голосом последнее слово, – обсудить с ним вопрос, касающийся документов, о которых ему известно.

– Но это невозможно, – сухо сказала Марина Евгеньевна. – Я же вам сказала, что у господина Урутаева совещание.

И она посмотрела на Китайца так, словно тот просил ее зайти на минуточку к верховному жрецу бога Ра, чтобы проконсультироваться насчет погоды на ближайший уик-энд.

– Я думаю, – Китаец вздохнул и с сожалением покачал головой, – что Руслан Умарович очень сильно рассердится на вас, что вы не доложили ему обо мне. Этот вопрос важен не столько для меня, сколько для Руслана Умаровича.

Марина Евгеньевна была в растерянности. Шеф строго предупредил ее относительно визитеров. Он никого не велел к нему пускать. Но этот обходительный, хотя не без наглаватой настойчивости, хорошо одетый мужчина с полуприкрытыми и чуть раскосыми глазами невольно вызывал симпатию. И потом, он говорит, что шеф будет очень сердиться...

– Вы сказали, ваша фамилия Танин?.. – В ее тоне звучала заискивающая мягкость и настороженность.

– Владимир Алексеевич, – ободряюще добавил Китаец. – И не забудьте сказать шефу о документах.

– Я попробую, – сдержанно улыбнулась секретарша. – Присядьте, пожалуйста.

Он опустился на стул рядом с бородатым мужчиной, который недовольно покосился на него. Китаец подмигнул ему и откинулся на спинку. Мужчина демонстративно отвернулся, высоко задрав свою бородку.

Секретарша вышла через пару минут и, с улыбкой глядя на Китайца, сказала:

– Ждите, Руслан Умарович сказал, что примет вас, – было видно, что она удивлена не меньше мужчин, ожидавших приема.

«Можно подумать, – мелькнуло в голове у Китайца, – что это не директор гостиницы в областном центре, а по меньшей мере премьер-министр».

Минут через пять в динамике на столе секретарши раздался усталый баритон:

– Марина, зайти.

Секретарша вскочила со стула и, одернув короткую юбку, направилась в кабинет шефа.

– Проходите, – сусальным голоском сказала она, выйдя из кабинета.

Мужчина с бородкой суетливо поднялся и направился в кабинет, но секретарша остановила его:

– Не вы. Господин Танин, – она мило улыбнулась Китайцу, – Руслан Умарович ждет вас.

– Но у меня было назначено на одиннадцать, – возмутился поднявшийся, – у меня завод стоит, у нас же подписание договора.

– Ждите, пожалуйста, – она отстранила мужчину с бородкой и открыла перед Китайцем дверь.

Одарив ее благодарной улыбкой, Танин вошел в кабинет. Это была большая вытянутая комната, в дальнем конце ее стоял огромный стол. За столом сидел человек, длинные темные волосы которого, распаваясь надвое, почти полностью закрывали уши. У него было смуглое худощавое лицо с острыми чертами, нос с горбинкой и узкие губы. Большие, глубоко посаженные глаза внимательно смотрели на Китайца из-под густых темных бровей.

С кресла, стоявшего справа от входа, рядом с низким круглым столиком, поднялся орангутан в дорогом, но мешковато сидевшем на нем костюме и направился к Танину. Ростом это существо с бурой всклокоченной шевелюрой было не выше Китайца, но его плечи были размером с трехстворчатый шкаф, и весу в нем было как минимум полтора центнера.

«Ну и урод», – мысленно поморщился Китаец, инстинктивно расслабляясь, как делал это всегда перед потенциальной опасностью.

– Погоди-ка, – голос орангутана был под стать его внешности: такой же грубый, как крупная щебенка.

Урод с обезьяней ловкостью пробежался короткопалыми лапами по одежде Китайца и со злобным огоньком в маленьких круглых глазах выудил «ПМ» из наплечной кобуры. Держа пистолет двумя толстыми волосатыми пальцами, он подошел к шефу и положил его на стол. Сам застыл неподалеку, готовый кинуться на Китайца, как только ему скажут «фас». Директор неторопливо выдвинул ящик стола и спрятал туда танинский «ПМ».

Китаец направился к столу и, не дождавшись приглашения, опустился на стул, закинув ногу на ногу.

– Кто вы такой? – Руслан Умарович поправил светло-серый в черную крапушку галстук, и Танин понял, что тот нервничает, хотя вида старается не показывать.

– Я держу небольшое детективное агентство. – Китаец положил перед генеральным директором лицензию частного детектива. – Кстати, – он опустил на стол рядом с лицензией разрешение на пистолет, – можете вернуть мне оружие.

Урутаев, не говоря ни слова, внимательно изучил документы и, бросив их на стол, царским жестом отправил орангутана на свое место в угол.

– Я вас слушаю, Владимир... – он снова поднял лицензию, – ...Алексеевич. У вас есть пять минут.

– Думаю, достаточно будет и трех, – флегматично произнес Танин. – Я хочу, чтобы вы поручили мне одну работу...

– Я не занимаюсь кадровыми вопросами, – перебил его Урутаев, – вам нужно обратиться к директору по кадрам.

Китаец вздохнул:

– Это довольно деликатная работа, не думаю, что она в компетенции кадровика...

– Вы могли бы выразаться яснее? – Урутаев старался говорить спокойно, но Китаец улавливал в его голосе раздражение и тревогу.

Китаец пожал плечами.

– Я думал, секретарша вам все передала. Преданная девушка, за вас прямо грудью готова встать.

Урутаев взглянул на часы:

– У вас осталось две минуты...

– Да, – Китаец кивнул, – хорошо. У вас пропали документы, если я правильно понял Сергея Ивановича, в которых зафиксирован факт выпуска необеспеченных акций вашего предприятия. Вы хотите их найти. Я могу вам в этом помочь. Думаю, пять тысяч за такую работу – не слишком высокая цена? И еще, – добавил он, внимательно наблюдая за реакцией Урутаева, – я бы хотел получить аванс, немного, долларов пятьсот...

– Во-первых, – сощурился и криво усмехнувшись, высокомерным тоном произнес Руслан Умарович, – я не знаком ни с каким Сергеем Ивановичем, во-вторых, я не понимаю, о каких документах вы, господин Танин, говорите, а в-третьих, если вы пришли меня шантажировать... – Он щелкнул пальцами: – Гоша...

Китаец почувствовал волну ненависти, катящуюся на него и готовую смыть и размазать его словно медузу о камень. Для своего веса и габаритов Гоша был суперпрыткий. Он в два прыжка преодолел расстояние, отделявшее его от Танина, и просто смел бы его, словно сухой

лист, но Китайца на месте не оказалось: в последний момент, оттолкнувшись ногами от пола, он вместе со стулом успел сдвинуться в сторону. Орангутан врезался в тяжелый стол своего шефа и тут же получил сильный удар кулаком в поясницу. Будь на его месте кто другой, у него наверняка оторвалась бы почка, но Гоша только выдохнул из огромных легких воздух, легко оттолкнулся от стола и снова бросился на Китайца, размахивая кулаками, каждый из которых был с небольшую тыкву. Китаец уже стоял и ждал его, опустив руки вдоль тела.

В очередной раз подивившись ловкости и быстроте орангутана, он не без труда уклонился от серии ударов, которые могли разнести ему голову. Он отступал, а Гоша со звериным оскалом теснил его в угол. Наконец Китаец спиной уперся в стену, отделявшую кабинет от приемной.

– Ты мой, – растянув в дикой улыбке влажные губы, Гоша почти без замаха ударил его в лицо.

Китаец успел присесть, и пудовый Гошин кулак с силой парового молота ударился в одну из дубовых панелей, которыми был отделан кабинет. Панель, сорвавшись с креплений, с грохотом упала вниз, едва не задев Китайца. Орангутан взвыл от боли, но успел схватить Китайца здоровой рукой за воротник пальто. Китаец выпрямил ноги и, поднимаясь, верхней частью лба ударил Гоше в нос и тут же коленом между широко расставленных ног.

– Опять оmlет получился, – пробормотал Китаец, поправляя прическу.

Гоша застыл на мгновение, закачался и начал медленно оседать на пол. Китайцу пришлось немного подтолкнуть его, чтобы тот не испачкал хлынувшей из сломанного носа кровью его кашемировое пальто. Получив ускорение, орангутан бухнулся на пол и замер.

– Придется плотников вызывать. – Китаец покосился на панель, стоявшую у стены, перешагнул через тушу, громоздившуюся на его пути, и подошел к столу генерального директора.

Придвинув стул, Китаец как ни в чем не бывало уселся на него.

– У меня еще осталось немного из отведенного мне времени, – он поправил воротник пальто, за который держалась Гошина лапа. – Если, конечно, вы добавите мне полторы минуты, которые отнял у меня ваш... помощник. Так вот, – он посмотрел в глаза Урутаеву, – мне не нравится, когда из меня пытаются сделать дурака. Может быть, я не слишком умен, но у меня хватает мозгов, чтобы сделать кое-какие заключения. У вас в приемной ждут люди, а вы вместо того, чтобы принять их, приглашаете в кабинет незнакомого вам Танина и выделяете ему целых пять минут вашего драгоценного времени. И после этого вы хотите меня убедить, что никогда не слышали о Сергее Ивановиче и не знаете, о каких документах идет речь? Хорошо, пусть так. Только хочу вас предупредить, что теперь мне просто не остается ничего другого, как найти эти документы, чтобы обелить в ваших глазах мое опороченное имя. Неплохая речь, а? – закончил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.